

Александр Громов

Корабельный секретарь

Часть сборника
Вычислитель (сборник)

Александр Громов

Корабельный секретарь

«ЭКСМО»

2003

Громов А. Н.

Корабельный секретарь / А. Н. Громов — «Эксмо», 2003

«Слухи о людоедстве аборигенов сильно преувеличены. Во всяком случае, попавшего к ним старика, называвшего себя профессором, не убили и не съели. Он умер сам, не выдержав тяжелой жизни, но прежде чем он умер, жители материка узнали от него много нового, бесполезного для выживания, но любопытного...»

© Громов А. Н., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Громов

Корабельный секретарь

Глава 1

Ничего крупнее мухи

Горело где-то на востоке, еще далеко, но запах дыма уже чувствовался, примешиваясь к резкой вони земляной смолы. К извечной, неистребимой вони. Потому жители островов и называют эту землю Потееющим континентом, что она и вправду потеет. Всегда. Непрерывно.

Черная смола – пот земли. Островитяне называют смолу битумом, хотя подчеркивают, что это все-таки не совсем битум в традиционном понимании, и даже не очень-то мазут, а, скорее, недоделанная нефть, впрочем, тоже не такая, как на Земле. Во всяком случае, местный битум горит куда охотнее битума земного. Островитяне любят сравнения с Землей и до сих пор чувствуют себя землянами-колонистами, а не аборигенами. С их точки зрения, настоящие аборигены – жители материка, и даже не потому, что они забыли о Земле, а потому что они грязны, питаются всякой пакостью, какую удастся выкопать в липкой от смолы земле, ведут непрерывную борьбу за существование и сильно смахивают на озлобленных дикарей. Древний штамп: при слове «абориген» воображение первым делом рисует дикаря. «Туземец» – то же самое. Дикий нрав, изуверские ритуалы, кольцо в носу.

Слухи о людоедстве аборигенов сильно преувеличены. Во всяком случае, попавшего к ним старика, называвшего себя профессором, не убили и не съели. Он умер сам, не выдержав тяжелой жизни, но прежде чем он умер, жители материка узнали от него много нового, бесполезного для выживания, но любопытного. Старик любил поболтать и досадовал на себя, когда надолго заходил в кашле и не мог разговаривать. Потом он умер. И даже тогда он не был съеден, хотя не был и похоронен. На Потееющем континенте покойников кремирует сама земля.

Она вечно горит, то тут, то там, и чаще всего в нескольких местах сразу. Над Потееющим часты грозы; удар молнии воспламеняет земляную смолу, и по плоской унылой равнине начинает расплзаться широкое огненное кольцо. Внутри него для огня уже нет пищи, и пламя спешит пожрать то, что вовне.

Земляная смола воспламеняется с важной медлительностью, дымное пламя не бежит по ней, а ползет. От надвигающегося огненного вала ничего не стоит убежать или даже уйти пешком. Весь ужас в том, что уйти, по сути, некуда – расширяющееся кольцо огня не остановится до тех пор, пока не наткнется на морской берег или на другие огненные кольца. А тем временем внутри кольца обожженная земля мало-помалу вновь начинает потеть смолой. Проходит несколько недель, и она опять готова дать пищу огню.

Старик профессор рассказывал странные сказки. Мол, в глубокой древности, так давно, что этого не может помнить никто, потому что люди тогда не жили здесь, на месте Потееющего материка расстилось огромное мелкое море, наполненное всевозможной живностью со смешным названием планктон. Умирая, планктон превращался в земляную смолу, и так длилось многие, многие века. Потом из воды поднялся континент, моря не стало, а суша оказалась перенасыщенной смолой. Когда-нибудь, говорил старик, избыток смолы окончательно выдавится на поверхность и сгорит, вот тогда-то всем станет хорошо. Жаль, что это произойдет еще очень не скоро...

Ясное дело, старик был полоумным. Как можно знать о том, что было тогда, когда люди здесь не жили? Кто мог им об этом рассказать, если не было никого? Без сомнения, старик

выжил из ума. Такое может случиться только с островитянином – на материке люди не доживают до постыдной дряхлости ума и тела.

Безумный старик врал, утверждая, что бывает синее пламя, прозрачное пламя, бездымное пламя. Кто, где и когда видел такие чудеса? Пламя горящей земляной смолы всегда красно-багровое, а дым от него черный и жирный. Затмевая солнце, он поднимается высоко над пылающим кольцом, и только там, в вышине, его понемногу размывает ветер и, превратив в грязную дымку, уносит далеко-далеко. По силе ветра и густоте дымки любой подросток уверенно скажет, как близко к рингу подобралась стена огня.

Рингов – два, одним не обойтись. Каждый окружен рвом и земляным валом, хотя этой защиты недостаточно. Она нужна только для того, чтобы время от времени выжигать потеющую смолой землю внутри ринга, лишая пищи страшный внешний огонь. Сухой земляной вал – смола стекает с него в ров – как правило, достаточное препятствие для того, чтобы выжечь ринг, не подпалив всю равнину. Иногда, очень редко, по недосмотру, безалаберности или просто случайности нарочитый пожар все же вырывается наружу, и тогда всему племени приходится искать убежище во втором ринге.

Главное – выжигать тот и другой всякий раз, как только потеющая земля вновь обретает способность гореть. И внешний пожар лучше пережидать внутри того ринга, который был выжжен позднее.

На востоке пылала земля. Сгустившаяся дымка выдавала приближение огненного кольца надежнее, чем показали бы глаза, если бы кто-нибудь сумел подняться над равниной, как умеют это островитяне в своих диковенных железных птицах. Ветер дул с востока, а значит, огонь был еще далеко. Когда он приблизится, ветер переменит направление и начнет дуть на огонь. Огню всегда мало воздуха, он жадно всасывает его и глотает, сколько сможет.

С рассветом Хуум приказал перебираться в другой ринг, и никому не пришло в голову возразить. Чем раньше, тем лучше. Меньше спешки. От одного ринга до другого идти всего ничего, однако поздно заниматься переездом, когда стена огня и дыма уже стоит на горизонте – сам-то спасешься, но половину скарба не убережешь. Разумное слово вожака лишь констатировало необходимость, и, повинаясь необходимости, люди споро, но без ненужной суеты увязывали кожи кровель и водосборников, разбирали каркасы шалашей, выучили на спины запасы пищи и бурдюки с водой. Матери несли детей. Стена огня была еще далеко, когда переезд закончился. И неспроста: запас времени лишним не бывает. Иногда то там, то тут земля вдруг начинает потеть не обычной, а особой, легкой смолой, иначе пахнущей, более текучей и куда охотнее горящей. Огонь по ней распространяется быстрее ветра, от него не убежит и самый быстроногий бегун. Такое случается чрезвычайно редко, но и редкостями не стоит пренебрегать. Беспечный, но везучий человек еще может прожить отпущенный ему природой срок – беспечное племя не имеет будущего.

Потому-то и нет на материке беспечных племен.

Никто не задумывался, существовали ли они когда-то давно, беспечные племена. Какая разница! Что толку думать о глупцах, если от них не осталось даже костей! Два, три пожара – и нет ничего, кроме праха. Пройдет дождь – и прах смешается с землей. После нескольких дождливых сезонов оплывут валы опустевших рингов, жидкой грязью заполнятся глубокие некогда рвы, и спустя еще несколько лет самый внимательный глаз не отыщет место, где жили люди.

Чавкала под ногами жирная смоляная земля, шуршал жиденький ковер отмирающих трав-эфемеров. Низкорослые, едва по щиколотку, растения успели пробиться, отцвести и дать семена в промежутке между двумя пожарами. Но этим семенам не было дано прорасти. Лишь сильный ливень из пришедших с моря туч мог выручить их, но ветер гнал не тучи, набрякшие от желанной влаги, а дым приближающейся стены огня.

Не страшно: после пожара травы взойдут снова. У них могучие корни там, в глубине, куда не достигает жар огня. Пусть несколько поколений трав даром разбросают семена на потеху огню – неважно, какому-нибудь поколению непременно повезет. И в следующем сезоне равнина вновь зазеленеет мириадами травинок – бесполезных, но радующих глаз. Огонь беспощаден, но жизнь все равно берет свое.

– Стея, смотри! – пискнул маленький Иай, влекомый за руку старшей сестрой. – Тут еда.

Сразу несколько мужчин обернулись на голос. В самом деле, в жухлом ковре внимательный глаз мог заметить чуть более светлое пятно. Если здесь вырыть яму глубиной по пояс взрослому человеку, наверняка наткнешься на зреющую земную манну. Один большой клубень или несколько мелких. Хорошая еда. А еще лучше заметить место и вырыть пищу после того, как над ней пройдет стена огня. Так вкуснее. Полоумный старик профессор нес какую-то чушь о колониях подземных микроорганизмов и поначалу даже отказывался брать манну в рот. Глупец! Чем же еще питаться? Съедобными корнями? Они лежат глубже, хуже утоляют голод, и не всякий человек, даже и не профессор, отличит съедобный корень от ядовитого, годного только для поделок, когда он высохнет на воздухе и затвердеет.

Потом-то, конечно, старик привык есть то, что дарует земля. Всякий перестанет привередничать, как только проголодается как следует.

И все-таки странно. Неужели на островах совсем нет земляной манны? Да не может такого быть! Чем же питаются те странные, кто там живет?

Один из мужчин вырезал костяным ножом пласт липкой земли и положил его в центр пятна. Метка. Как только остынет земля, можно будет выкопать теплый клубень и перекусить.

Никто не сказал вслух, что чумазный карапуз Иай окончательно определил свою судьбу – со временем быть ему разведчиком и добытчиком, очень хорошим, может быть, самым лучшим в племени. Не носильщиком, не копателем, не гонцом – разведчиком. Как его отец, давным-давно сгинувший в степи. Один только долговязый Каар, баюкая уязвленное самолюбие, пробурчал, что, мол, не диво видеть каждую былинку тому, кто возвышается над этой былинкой от силы на локоть.

– А тебе, дядя Каар, с твоей высоты смотреть не страшно? – невинно поинтересовалось дитя.

Грохнули смехом. Стея шлепнула брата за непочтительность к старшим, но и сама не удержалась – прыснула. Каар набрал было в грудь воздуху, но не нашел слов, махнул рукой, рассмеялся сам. Мальчишка молодой, да ранний, с ним еще натерпишься, но не вступать же в перебранку с молокососом на виду у всех! Себе дороже.

Жирный дым полностью затянул горизонт. Последней подняли на вал слепую старуху Миану, втянули за ней ременную лестницу, стали ждать. Без команды вожака люди начали собирать в центре ринга каркасы шалашей и громоздить на них скупое смоченные водой кожи. Дети, старики и беременные женщины пересидят пожар в шалашах, остальные перетерпят и так. Не впервой.

Кое-кто из мужчин мочился на шалаш, стараясь брызнуть повыше. Плохо, что в конце сухого сезона мало воды, бурдюки не наполнены и на четверть. От жара сохнет и портится кожа, ломается на сгибах и долго не служит. Давно пришла в негодность и была брошена в пищу огню кожа полоумного профессора. Люди Потеющего материка не едят покойников, но забирают их кожу, и каждый знает, что будет освежеван после смерти. Так надо, чтобы племя жило. Нужны бурдюки, водосборники, нужна защита от огня. Что остается делать, если шкурки подземных роющих животных (которых к тому же трудно поймать) малы и непрочны, а на поверхности живут лишь мелкие крылатые существа не крупнее мухи?

И умершего хоронят дважды. В первый раз уносят подальше в степь тело, во второй раз отдают огню пришедшую в негодность кожу. И после первых похорон человек еще долгие годы продолжает приносить пользу племени.

А значит, он не ушел совсем, а еще жив какой-то своей частью. Поэтому племя оплакивает ушедшего во время вторых похорон, а не первых.

Нет хуже проступка, чем небрежно швырнуть кожу на землю или оскорбить ее каким-нибудь иным злобным и бессмысленным действием. Провинившийся должен просить прощения у племени и у души умершего, и нет никакой гарантии, что ему удастся вымолить прощение.

Наказания за серьезные проступки бывают двух видов – казнь и изгнание. Изгнание хуже – та же верная смерть, только приходит она медленнее, и изгнанный знает: племя, в котором он родился и вырос, считает его таким негодяем, что брезгует его кожей. Нет кары страшнее. Случается, что отчаяние убивает изгнанного раньше, чем голод, жажда и идущий по пятам огонь.

Если нет – все равно одному долго не уцелеть. Изгнанника не примет иное племя, он нигде не найдет укрытия. Да, от ревущей стены огня можно уйти пешком, но рано или поздно бездомный одиночка будет зажат огнем со всех сторон – ведь сухие грозы бывают повсюду, и если земля достаточно вспотела, каждая молния порождает расширяющееся огненное кольцо.

Прошло немного времени, и небо из серого сделалось черным. Сначала горячий воздух наполнился гудением – мириады крылатых существ не крупнее мухи спасались от жара и дыма. Центр стаи, похожий на крутящийся смерч, прошел стороной, и это было только к лучшему. Бывает, что от слитного движения неисчислимого множества ничтожных козявок перед огненной стеной рождается настоящий смерч, от которого добра не жди. Покойный профессор очень интересовался данным явлением. Быть может, насекомые инстинктивно провоцируют рождение торнадо, чтобы быть вознесенными выше огня и ядовитого дыма?

Если и так – кому это интересно? Насекомые не годятся в пищу и не стоят специального внимания. Унеслась стая – и была забыта. Затем фронт огня подступил к самому рингу, подпалил смолу, скопившуюся на дне рва, жадно облизал вал, пытаясь с ходу перемахнуть через насыпь, не справился с препятствием, обтек его и пошел дальше.

Никто из людей племени, переживающих жару и духоту в шалашах, ямах, а то и просто на корточках, спрятав голову между коленями, не смотрел вверх. Впрочем, если бы кому-нибудь из них пришла в голову странная мысль взглянуть на бурлящее жирным дымом горячее небо, он вряд ли сумел бы заметить в нем быстро растущее пятнышко совсем иного пламени. А главное, это ровным счетом ничего не изменило бы в судьбе людей, спасающихся от огня за рвом и валом одного из двух рингов, принадлежащих племени.

В черной точке, венчающей факел небесного огня, из двух десятков человек, соперничающих между собой вычурностью одежд, выделялись двое. Оба носили скучную серую форму и сидели за переборкой, отделяющей их от пестрой массы пассажиров.

– Кажется, нам придется жарковато, – сказал один из них, скосив глаза вниз. – Кругом полыхает. Не сгорим?

– Небольшие проблемы со сбросом тепла, и только, – возразил второй. – Шлюпке – что. Вот туристы вспотеют и будут недовольны.

– Мы, кстати, тоже вспотеем.

– Мы – не они, ясно?

Оба пилота понимающе переглянулись: куда уж ясней. Туристы не простые. Элита. Соль земли не должна ощущать температурный дискомфорт. Кто когда-нибудь видел потеющую соль?

– В конце концов, они сами этого хотели, – рассудительно сказал первый. – Требовали, чтобы мы посадили их точно в огонь, ну и будет им огонь. Пусть любят. А наш корабельный секретарь еще наврет им с три короба насчет реальной опасности сгореть заживо. Адреналиновым наркоманам это полезно.

– Им не страшно. Он ведь с ними. Защитник.

Оба засмеялись.

– Кстати, что он там делает? Не взглянешь?

– Языком мелет. Как всегда.

– И слушают?

– Раззявя рты. Просто удивительно.

– А чего ты хочешь? Нас бы с тобой они слушать не стали – скучно. Мы-то спецы, а он такой же лопоухий чайник, как и они сами. Чего не знает, о том наврет, и наврет красиво. А главное, он одного поля ягода с ними. Тоже соль земли, хотя и э-э...

– Низкосортная?

– Вот-вот. Залежалая и подмоченная.

Второй фыркнул. Шлюпка чуть заметно качнулась.

– Набок нас не урони, – попросил первый.

– Учи ученого...

– И поучу... Куда это тебя понесло?

– Вон там круглый пятачок, – кивком показал второй. – Огня нет. Наверное, там скальный выход или что-то вроде этого. Иду туда.

– Там даже два пятачка...

– Угу, вижу. Сажусь на правый.

– Хм. А почему не на левый?

– Надо же выбрать один какой-нибудь.

– А по-моему, левый симпатичнее...

– А по-моему, ты специально выводишь меня из себя. Будь добр, умолкни на пять минут, не бухти под руку...

Касание получилось достаточно мягким – тряхнуло лишь чуть-чуть сильнее, чем при посадке на автоматике по антиграв-лучу. Но откуда на Потеещем материке взялась бы антигравитационная установка, хотя бы самая примитивная?

Космическая шлюпка села на маршевых, и в течение примерно двадцати секунд пламя внутри ринга бушевало даже сильнее, чем вне его.

Глава 2

Старший уполномоченный

Лицо дежурной тетки за окошечком напоминало харю глубоководной рыбы – застывшая бесформенная маска, наделенная множеством ненужных складок, толстыми щеками, низким лбом и большими бессмысленными глазами навывкате. Чувствовалось, что тетка находится не на своем месте, – ей бы в океанскую впадину, сидеть в засаде и глотать мальков не жуя, пыжась от сознания собственной значимости. На дне впадины она была бы царем и богом, вершиной пищевой пирамиды, ужасом всякой съедобной мелочи. Здесь, в фойе регионального бюро по трудоустройству, ей приходилось довольствоваться куда более скромной ролью фильтра для посетителей.

Но повадки были те же – глубоководные.

– Господин Прохазка принять вас не может, – с нелогичной смесью брезгливости и удовольствия проговорила она наконец, помучив посетителя долгой паузой. – Если бы старший уполномоченный принимал всех без разбора...

– У меня особый случай, – сдержанно сказал посетитель.

– У всех особый случай. Господин Прохазка вас не примет, понятно?

– Он занят? – осведомился посетитель. – Я могу зайти позже.

– Какое у вас дело? Кто ищет работу, тот может решить все вопросы прямо здесь.

– Тогда зачем вообще существует господин Прохазка?

Глубоководная рыба потеряла терпение:

– Вам нужна работа или нет? Если да, давайте ваш большой палец, я посмотрю, что мы можем вам предложить. Если нет – отойдите от окна, вы не один.

Под неприязненное бормотание Глубоководной рыбы: «Позже он, видите ли, зайдет...» – посетитель оглянулся. В фойе не было решительно никого. Да и кто мог бы польститься на скудный выбор рабочих мест, предлагаемый бюро по трудоустройству? Разве что клинический неудачник, которому нечего терять. Но в фешенебельном районе Большого Тамбова найдется немного таких безработных, кто согласился бы занять должность мелкого клерка или выполнять пусть лучше оплачиваемую, зато пыльную работу мастерового. Здешние обыватели метят куда выше, а значит, обойдут бюро стороной и еще фыркнут, заметив вывеску. Это раз. Кроме того, в соседнем Липецке, по достоверным слухам, открылось несколько выгодных вакансий, и тамбовские люмпены толпой двинули туда. Это два. Посетитель учел и третий фактор: послеобеденное время, благодушное настроение начальства и скуку персонала. И четвертый фактор: вопреки обыкновению присутственных мест, в фойе не было охраны.

Прикидывая свои шансы, он трезво признавал их незначительными. Но иного выхода не было. Либо старший уполномоченный примет его и выслушает, либо к списку неудач добавится еще одна.

Воронеж, Липецк, Тула, Рязань, Муром... Быть может, повезет в Тамбове?

Как же, повезет, когда тут сидит этакая мегера...

Мегер и Глубоководных рыб посетитель навидался предостаточно. Иногда он думал о том, что существует особая, никем не выведенная, но интенсивно используемая порода людей – барьеров, людей-отсекателей. По его наблюдениям, лучше всего с этой задачей справлялись женщины – пожилые стервы с неудавшейся личной жизнью и стервы помоложе, страдающие острой ненавистью ко всякой живой твари на почве хронической сексуальной неудовлетворенности.

Повернуться и уйти униженным, как в Смоленске и Вологде? Уйти со скандалом, смачно плюнув в окошко, как в Брянске? Ну нет...

– У меня к господину Прохазке личное конфиденциальное дело, – сказал посетитель как можно суше. – Вы не поняли. Я не спрашиваю у ВАС разрешения пройти, я просто пройду. А вы немедленно доложите обо мне господину Прохазке, если не хотите, чтобы господин Прохазка вышвырнул вас на улицу...

Совершив полуоборот, он направился в боковую дверь, стараясь держать уверенную, не слишком стремительную походку, хотя ему хотелось рвануть со всех ног, а сердце стучало значительно чаще обычного. Лоб предательски вспотел. Секунды две, а если повезет, то и больше Глубоководная Рыба, выбитая из колеи рефлекторных вопросов и ответов, будет соображать, не является ли посетитель важной персоной, затем до нее дойдет, что посетитель никакая не персона, а просто наглец с улицы, но за это время он должен успеть скрыться за дверью – десять против одного, что она не помчится следом!

Хорош он будет, если дверь окажется запертой!

По идее она должна быть отперта... но нет охраны. Обычно в фойе региональных бюро дежурит один секьюрити, редко двое. Совсем редко, чтобы никого. Допустим, охраннику приспичило. Дверь только одна, за нею наверняка коридор, там же и уборная... Когда страж ушел, посетителей не было. Иначе бы потерпел немного. Три против одного, что отлучившийся на несколько минут охранник поленился запереть дверь, чтобы на обратном пути не отпирать вторично.

Так и есть.

– Ку-уда-а?! – взвыла наконец Глубоководная Рыба, и сейчас же ее негодующий вопль был заглушен хлопнувшей за спиной дверью.

Вовремя. Навстречу, застегиваясь на ходу, вперевалячку шел охранник. При виде незнакомого посетителя он продолжил застегивание одной рукой, а вторую положил на рукоять дубинки. С рефлексам у него все в норме, а вот как с мозгами?..

– Господин Прохазка? – упредил посетитель вопрос вопросом, на ходу достав из внутреннего кармана зеленую книжечку и небрежно помахав ею перед носом охранника.

– Второй этаж налево.

– Благодарю.

Дежурная улыбка – и адью. Посетитель излучал уверенность. Два против одного, что окрик не остановит его до конца коридора. К наглости здесь не привыкли. Как правило, искатели свободных вакансий настойчиво-просительны, но при этом почти всегда скромны и тихи.

Сработало.

Секретаршу в «предбаннике» кабинета старшего уполномоченного посетитель оценил сразу: молодая, неопытная в своей профессии, а опытная, вероятно, совсем в других делах, за что ее здесь и держат... Тем лучше. Везет. Личные секретарши чаще всего относятся к одной из двух таксономических разновидностей: сексапилок и мумии крокодилов. Прорваться через вторую разновидность – из области чудес. Зато первая разновидность сокрушается нахрапом.

Значит, шансы априори один к одному. И в данном случае выигрыш уже практически обеспечен.

– У себя? – небрежно-снисходительным тоном поинтересовался посетитель, пересекая «предбанник», демонстрируя угол зеленой книжечки и одновременно ощупывая фигурку секретарши откровенным взглядом – сверху вниз и обратно, на все не более полусекунды. Сканер.

«Он занят», – пискнула было секретарша, но посетитель не обратил внимания.

Господин Прохазка занимался важным делом: чистил пилочкой ногти. Ногти были ухоженные, розовые, кругленькие, и сам господин Прохазка был маленьким, кругленьким, розовым и очень ухоженным. Громадное кресло обнимало его с мягкой настойчивостью медузы, обволакивающей нежную рыбешку. Правда, в отличие от рыбешки, глаза старшего уполномоченного кое-что выражали: послеобеденное благодушие и скуку в равных долях. Заметную примесь недовольства визитом посетителя господин Прохазка не позаботился скрыть.

«Два к одному, что выгонит сразу, – подумал посетитель, едва переступив порог кабинета. – Бывало и похуже».

Не мямлить, не унижаться – сразу брать быка за рога. В этом был шанс. Нотка просительности допустима и даже полезна – строго в рамках корпоративного единства. Ни в коем случае не более.

– Как дворянин дворянина. Прошу.

– Меня? – осведомился старший уполномоченный. – О чем? Трудоустройство?

– В каком-то смысле да. Долгий разговор.

«Три к одному...»

– Хм. – Господин Прохазка глубокомысленно нахмурился. – Хм-хм. Э... А как вы сюда попали?

Посетитель покривил в улыбке угол рта.

– Представьте себе, пешком. Показал вот это и прошел.

Вид зеленой книжечки произвел на старшего уполномоченного необычное действие: он расплылся в улыбке, затем захихикал, но этого показалось ему мало, и буря веселья прорвалась раскатистым смехом. Трясаясь и клочоча, господин Прохазка пошарил по внутренним карманам и вынул точно такой же документ – членский билет общества грибников, дающий право на грибной сбор в заповедниках и заказниках.

– Уволю разгильдяев, – выдавил он, сотрясаясь от смеха, – всех уволю...

Посетитель улыбнулся шире. Теперь он оценивал свои шансы как фифти-фифти.

– Покажите, покажите! – сотрясался господин Прохазка, протягивая за документом короткую розовую лапку. – Ваш? Точно ваш? Ха-ха. Свистунов Арсений Ефимович, дворянин, так? Это вы? Сделайте одолжение, приложите палец вон туда, порядок есть порядок... Пф-фф-хе-хе... Так вы грибник? С каким стажем? А скажите, гриб-баран в здешних лесах вам не попадался? Южнее? Да я сам знаю, что он к сбору запрещен, это я так, из чистого любопытства... А трюфели? Вы собираете трюфели? С поисковиком? Какой модели? Ну, это вы зря. Я вам вот что скажу: лучше хорошо натасканной свиньи для сбора трюфелей еще ничего не придумано, перед ее нюхом любая техника блекнет. У меня приятель свинозаводчик и настоящий спортсмен-грибник, он хрюшек сам отбирает, натаскивает и хорошим людям дает напрокат недорого. Хотите сведу? Хряк Чемпион у него – это, я вам скажу, нечто! Уникум! Зверь в триста кило весом, его от добычи отгонять запотеешь, один раз он озлился – на дерево меня загнал, зато на полметра вглубь чует, ей-ей! Но трюфели – ладно... А рыжики? Слегка присолить и на вертел – м-м-м!.. Бесподобно. Вы любите собирать рыжики?..

Едва успевая отвечать на вопросы, поддакивая и улыбаясь в нужных местах, посетитель приложил большой палец к настольному идентификатору личности. Последовало сканирование папиллярной сетки, затем легкое поскребывание известило о том, что несколько клеток эпителия были взяты на ДНК-анализ. Несколько секунд ожидания, короткий писк прибора – и господин Прохазка, не прервав разговора на любимую тему, вперился взглядом в идентификационные данные. Все было правильно: Арсений Ефимович Свистунов, тридцати одного года, потомственный дворянин, коллежский секретарь, не судим, в розыске не числится, в особых списках не состоит, в настоящее время находится в отпуске без сохранения содержания.

– Так чем я могу быть полезен? – спросил господин Прохазка, временно исчерпав грибную тему.

– Прошу помочь. – Когда-то посетитель мямлил перед должностными лицами и злился на себя за робость; теперь он говорил бодро и напористо – сказывалась практика. – Мне необходимо подтвердить дворянство, причем крайне желательно сделать это в ближайшие пять лет.

Господин Прохазка зевнул.

– Так я и думал, – разочарованно сказал он. – Дети?

– Сын пяти лет.

– Так в чем же дело? Он болен? Ленив? Неспособен?

– Он здоров.

– И не debil?

– Ни в малейшей степени. Он дворянин. И в этом вся проблема.

Короткая лапка старшего уполномоченного полезла чесать в затылке.

– Ничего не понимаю... Да вы садитесь, садитесь, не стойте... Объясните подробнее.

– Мой сын – незаконнорожденный, – объяснил посетитель, присев на краешек табурета.

Его мать – баронесса в третьем поколении. Следовательно, он простой дворянин в первом поколении. Его дети также будут дворянами... если я не вступлю в брак с его матерью. Вся проблема в том, что я хочу это сделать.

Господин Прохазка обрадовался так, словно решил непосильную головоломку.

– Вот оно что. Ну да, конечно, при законном браке знатность передается по мужской линии. Следовательно, если вы женитесь на своей избраннице...

– То мой сын потеряет дворянство, как и его потомство, – закончил посетитель. – Ведь я наследственный дворянин во втором поколении. Во втором и последнем.

– Гм... В юридический отдел Департамента Геральдики обращаться пробовали? Дело, конечно, не верное, сомнительное и уж во всяком случае канительное, но мне известны случаи, когда...

– Обращался. Отказали наотрез.

Господин Прохазка всплеснул лапками:

– Что же я могу сделать? Не я принимал закон об эрозии знатности.

– И не я.

– Разумеется, вы бы его не приняли. А между тем с этим законом наша страна живет уже скоро триста лет, и хорошо живет. Дворянство – очень полезная опора государственной власти, и не надо позволять этой опоре гнить на корню. Ненависть к развращенной аристократии во все времена вела к революциям. Привилегии дворянского сословия должны быть оправданы беззаветным служением отечеству, а как прикажете достичь этого? Давать дворянство исключительно по личным заслугам, начисто отменив наследование титулов? Пробовали – не вышло. Люди в своем большинстве устроены так, что желают передать свое достояние потомству, которое – заметьте – заслужило эти блага только тем, что родилось в удачной семье. Мы с вами, понятно, считаем наследование дворянства справедливым, но вот беда – мало кто из простолюдинов с нами согласен. У них свои понятия о справедливости, причем аргументированные ничуть не хуже. Как быть, а?

– Наверное, так, как уже есть, – пожал плечами посетитель. – Я вообще не...

– Вот именно. Оставить так, как уже есть! Целесообразность как мостик между двумя полярными представлениями о справедливости! Черт с ними, с наследниками, пусть наследуют, но если есть пряник, то для блага страны должен быть и кнут. Иначе спустя несколько поколений дворянство просто-напросто вырождается и перестанет быть полезным. Кнут! В наследовании имущества таким кнутом является налог на наследство, в наследовании титулов – понятие эрозии знатности. Князь, свежееудостоенный этого титула, имеет право, как вам известно, на четыре последующих поколения потомков-князей, граф – на три, барон – на два, а простой дворянин лишь на одно. Логика закона проста: если не желаешь, чтобы твои потомки растворились в море простолюдинов – старайся подтвердить дворянство примерной службой или каким-нибудь полезным отечеству деянием. Скажем прямо – подвигом. Такая система, во-первых, держит дворянство в напряжении, препятствуя процессам его естественного разложения, а во-вторых, позволяет рекрутировать в дворянское сословие наиболее талантливых и достойных простолюдинов, что идет сословию только на пользу, не говоря уже о пользе для страны. Как иначе прикажете сделать активной хотя бы часть населения?.. Ну, разумеется, среди наследственных дворян есть и бездельники, и моральные уродцы, и вообще люди недо-

стойные, однако процент их невелик, а кроме того, их можно лишить дворянства, так что авторитет нашего сословия остается высоким. Сословное деление плюс закон об эрозии знатности – разумный компромисс между потребностями государства и интересами всех слоев общества, разве нет? Согласитесь, закон этот правильный, недаром за три столетия в него не было внесено никаких принципиальных изменений...

Несомненно, господин Прохазка был бы рад и дальше с жаром излагать избитые истины, известные каждому со школьной скамьи. К счастью, кабинетный служака не обладал тренированными легкими публичного оратора. Его румяное лицо покрылось бисеринками пота. Не dokonчив очередной фразы, он издал горлом смешной сиплый писк, часто задышал и замахал короткими лапками. Сами, мол, видите, закон есть компромисс, лучшего все равно не выдумать, и никто не виноват в том, что за гармонию в обществе приходится расплачиваться не всем, а только таким, как вы...

– Я вовсе не покушаюсь на закон, – тихо сказал посетитель. – Я просто хочу знать, как мне быть. Женившись на любимой женщине, я отниму дворянство у моего сына. Помимо того, что я его люблю и не желаю портить его будущее, он мне этого не простит.

– Оставайтесь со своей избранницей в гражданском браке, – посоветовал уполномоченный, отдышавшись.

Посетитель вздохнул.

– Это самый легкий путь, но не самый желательный. Знаете, мнение родственников, фамильная гордость... Моему сыну уже дают понять, что он ущемлен от рождения... Наконец, я сам хочу жениться!

– Ага, ага, – покивал господин Прохазка. – Значит, вам все-таки во что бы то ни стало необходимо подтвердить дворянство? Так?

– Истинно так.

– И чем же я могу помочь, скажите на милость? У нас ведь контора по трудоустройству, а не по раздаче незаслуженных привилегий. Служите – и воздастся вам. У вас какой класс – десятый? Личное дворянство вами уже подтверждено, а вот потомственное... Н-да... до действительного статского советника вам, как говорится, семь верст и все лесом. Вы в каком департаменте служите? – Господин Прохазка впился взглядом в экранчик с данными посетителя. – В земской канцелярии? Совсем скверно... Если вам очень повезет, то лет через тридцать беспорочной службы вы в самом деле можете надеяться... но вам ведь надо гораздо раньше? Тогда я затрудняюсь даже что-либо вам посоветовать... вот разве что...

– Что? – спросил посетитель.

– Военная служба. Или... не привлекает?

Едва заметная гримаса.

– Не в том дело, что не привлекает... Хотя, по правде говоря, так оно и есть. Но не в том дело. Мне уже поздно рассчитывать на военную карьеру, элементарно поздно. Вот если бы я спохватился лет десять назад...

– Жаль, что десять лет назад вы были менее дальновидны, чем вам следовало быть. – В голосе старшего уполномоченного появились нотки осуждения. – Ну, тогда заслужите Владимира или Станислава.

– При моем чине? Еще скажите – Андрея Первозванного!

– Понимаю, это затруднительно. Однако возможно. Совершите какой-нибудь подвиг – пусть не на военной, а на гражданской стезе. И пусть о нем станет широко известно. Не пренебрегайте прессой, скромничать в таком деле вредно. Вы богаты?

– Если бы! – Посетитель невесело хмыкнул. – Всего-навсего не нищ.

– А связи?.. Хотя да, о чем я говорю. Будь у вас связи, вы не пришли бы сюда... Жаль. Если бы вы могли, скажем, организовать для государства беспроцентный заем на несколько миллиардов, Владимир четвертой степени уже гарантированно висел бы у вас на шее, есте-

ственно, вместе с потомственным дворянством. Хотя получить потомственное можно и без ордена, прямым указом государя...

Посетитель вздохнул:

– Не вижу способа заслужить эту милость, находясь на земской службе...

– А под лежащий камень вода и не потечет. Ищите подвига. Предотвратите, например, техногенную катастрофу. Остановите эпидемию. Сделайте мировое открытие. Придумайте, как накормить пятью хлебами голодающих в Африке. Достигните Северного полюса верхом на прирученном белом медведе. И главное – заставьте о себе заговорить. Ну и о России, разумеется. Заставьте хотя бы одних только россиян почувствовать, что Россия вовсе не бесполезная часть Всепланетной Конфедерации, и считайте, что подтвержденное потомственное дворянство у вас в кармане. Ну как?

Посетитель беспомощно развел руками.

– К сожалению, для меня все это из области беспочвенных фантазий. Я всего лишь чиновник земской канцелярии, а не первопроходец-дрессировщик...

– Ну тогда заслоните государя от пули террориста. Тут везло даже простолюдинам...

– Откуда в наше время он возьмется? То есть не простолюдин, а террорист... Или вы предлагаете мне самому организовать покушение?

– Господь с вами! – Шокированный господин Прохазка всплеснул короткими ручками. – Как можно такое подумать! Это я просто пофантазировал, каюсь, не слишком удачно. Гм... Даже не знаю, чем вам помочь. Можно, конечно, посмотреть вакансии, но... сами понимаете...

– Шанс мал, – кивнул посетитель. – Понимаю. И все-таки, если вы не возражаете, я бы хотел взглянуть...

– Пожалуйста! – Старший уполномоченный пододвинул к себе монитор. – Так... Ну, это вас не заинтересует, это тоже, тут вообще нет никаких шансов... Убираю. Так, что у нас осталось?.. Хм, немного. Даже прискорбно мало, я бы сказал. Ведь должность начальника дежурной смены на станции аэрации вас не привлекает, не так ли?

– Не привлекает.

– Так я и думал. Хотя жалование очень хорошее... Могу предложить еще должность старшего воспитателя в интернате для детей с острыми социальными отклонениями... Тоже нет? Хм. Инспектор по санитарному состоянию городских участков?.. Нет? Вы правы, раньше это называлось просто дворником. Так, дальше тут у меня вакансии конкурсные, посмотрим... Лектор-проповедник необаптистской церкви? Нет? Распорядитель-эвакуатор в молодежном клубе? Страховой агент? Младший редактор в журнале «Юный гельминтолог»? Нет? Так-таки нет?..

– Так-таки нет, – вздохнул посетитель.

– Да, подтвердить дворянство на таких должностях довольно проблематично, – согласился господин Прохазка и тоже вздохнул. – Разве что счастливый случай... Но ведь счастливый случай может выпасть вам и в вашем земстве, нет?

Посетитель сделал движение, по-видимому означавшее: да, разумеется, но такой случай пока не выпадал. Пожалуй, проще выиграть главный приз в лотерее. Теоретически возможно – но из области чудес.

– Неужели нет иных вакансий?

– По Тамбовскому округу – увы, увы. Погодите-ка... Скажите мне вот что: вам обязательно нужна работа в нашем округе?

– Мне? Конечно, нет.

Розовое личико господина Прохазки просветлело.

– Ну разумеется, как это я сразу не сообразил! Тогда одну минуточку... Но обязательно в России, не так ли?

– Где угодно, хоть во Вnezемелье.

– Seriously? Что же вы мне голову морочите, так бы сразу и сказали! Где угодно – это проще. Сейчас, сейчас... Ага! С делопроизводством вы, надо полагать, знакомы? А с финансами? Есть вакансии судового бухгалтера на лайнере «Исполин». Что скажете? Баржа та еще, возит переселенцев по десять тысяч душ за один рейс. Для вашего класса должность в самый раз. Согласны?

– М-м... Больше ничего нет?

– Почему нет? Колониальная администрация прямо-таки заваливает нас заявками, но ведь вы, наверное, не захотите работать по контракту десять лет в какой-нибудь паскудной дыре в созвездии Мухи... Остается земной космофлот. Вот, скажем, корвету «Нахальный» требуется ревизор, контракт трехлетний, отдельная каюта, жалование сносное, премиальные, особая плата за страх...

– За страх? – Посетитель встрепенулся.

– Разумеется, за страх. Если бы где-то приплачивали за удовольствие, я бы первый туда кинулся, хе-хе...

– Простите, но ведь на данный момент метрополия не находится в состоянии войны, не так ли?

– А что считать войной? – риторически изрек Прохазка. – Полицейская операция на одной из окраинных планет – это война или нет? А миротворческие миссии? Как всегда: войны нет, а трупы есть.

– Это намек?

– Что вы, никакого намека. Лично я не имею ни малейшего понятия о ближайших планах Адмиралтейства относительно данного корвета... да и странно было бы, если бы я их знал. Мне только известно, что судно военное и что иной раз за страх платят и в мирное время. Ну как, согласны рассмотреть?

– Вы еще спрашиваете! Конечно, согласен! В случае успеха не премину отблагодарить вас чем сумею.

Господин Прохазка хрюкнул и вдруг широко улыбнулся. Упиваясь неожиданным, удивившим его самого сочувствием к ближнему, он пребывал в великолепном настроении и был не прочь проявить еще и щедрость:

– Один персонаж брал взятки борзыми щенками, а я беру грибными местами. Вы покажете мне свои излюбленные грибные места, и мы пойдем вместе собирать трюфели. С хрюком Чемпионом. Когда вернетесь. И если вернетесь, разумеется...

Глава 3

Не «наглый», а «нахальный»

В вагоне третьего класса благоухало, разумеется, не лавандой, хотя крошечная уборная, как ни странно, оказалась в полной исправности. Арсений поморщился, но не удивился. В третьем классе всегда найдутся любители сделать лужу на полу в тамбуре, а следящего за порядком киберкондуктора в принципе можно обмануть – Арсений не знал как, он знал лишь, что это возможно. Жизнь люмпенов скучна, и они разнообразят ее по-своему.

Любопытно, что у многих из них хватило бы мозгов, чтобы вести куда более достойный образ жизни в должности квалифицированного мастерового, техника или даже инженера. Нет, не желают... Почему? Что это: своеобразная форма протеста против общественных устоев – или обыкновенная лень людей, знающих, что им не дадут помереть с голоду?

Третий класс... Всегда в голове состава, мчащегося со скоростью пятьсот верст в час. А вагоны класса «люкс» всегда позади. Глупо. Если откажет электромагнитная подвеска и весь состав брякнется на брюхо, всем достанется поровну. А если на полной скорости произойдет столкновение, сминаемые в гармошку головные вагоны все равно окажутся недостаточным амортизатором удара. В этом случае вся разница между отутюженным тайным советником с безукоризненными манерами и какой-нибудь завшивевшей образиной, гадающей мимо унитаза, будет заключаться в том, что образину расплющит сразу, а тайный советник проживет еще секунду-другую, так что, возможно, даже успеет осознать ближайшую перспективу и испугаться... Интересно, ему это очень надо?

Третий класс. Помойка. Виварий. Место, где тебя могут запросто оскорбить. Место, которое оскорбляет само по себе. Всем прекрасно известно, что в случае драки или какого иного бесчинства киберкондуктор мигом превращается в киберкопа: отключает вентиляцию и наполняет вагон усыпляющим газом. И все равно драки и бесчинства здесь нередки. Сиденья – жесткие, с глубоко вырезанными надписями хамского содержания, вдобавок безграмотными. И запах, запах... Неистребимый, несмотря на вентиляцию. Навечно въевшийся в пористый пластик обшивки.

Вагон скрипел и раскачивался; внизу под полом что-то ныло на высокой ноте с омерзительным упорством бормашины. За грязным стеклом мелькали пейзажи – так быстро, что болели глаза. И все-таки смотреть вовне было приятнее, чем изучать вагон и его пассажиров. Несмотря на отвратное амбре, хотелось есть, а еще больше пить. Облизнув пересохшие губы, Арсений подавил в себе желание поискать по карманам неучтенную купюру. Откуда ей там взяться? Отходя от билетной кассы, он пересчитал оставшуюся наличность: два имперских кредита и шестнадцать российских рублей, не считая мелкого никеля. Хватит на одну ночь в наидешевейшей гостинице, но на еду и бутылку воды уже не хватит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.